



БЕРЕГА КУЛЬТУРЫ

А.В.СОКОЛОВ,
доктор педагогических наук,
профессор Санкт-Петербургского университе-
та культуры и искусств, заслуженный деятель
науки России

Интеллигентность и книжность

Аркадий Васильевич Соколов пишет о «закономерной смене советского поколения интеллигенции новым, постсоветским поколением русской интеллигенции». Новые преемники российской интеллигенции — нынешние студенты. В 2000–2004 годах были проведены социально-психологические исследования в различных вузах Петербурга «с использованием разнообразных социологических методов: от массовых и групповых опросов до интервью, ведения дневников, экспериментов и мозговых атак». Итоги этих исследований (о них мы и узнаем из статьи) жгуче интересны. Нетривиальны и, возможно, спорны некоторые выводы автора. Уважаемые друзья! Редколлегия будет признательна за ваши отклики на статьи этой рубрики.

«Интеллигенты и интеллектуалы действуют в нашем мире параллельно, не только не объединяя своих усилий, но чаще всего взаимно отталкиваясь. Деятельность интеллектуалов опасна для будущего человечества, только существование интеллигентов может его спасти».

А.И.АВРУС

В 1987 году в одной из своих статей замечательный летописец нашей интеллигенции Даниил Александрович Гранин пришел к выводу: «Боюсь, что безвозвратно уходит со сцены славная русская интеллигенция. Очевидно, нам предстоит та же структура, которую имеет общество развитого капитализма в других странах, где нет интеллигенции, а есть интеллектуалы. Совершенно иная должность»¹.

Правда, сам же Гранин сомневается, что «этого хватит». Другие представители постсоветской интеллектуальной элиты в этом не сомневаются и без всяких оговорок пророчат «конец русской интеллигенции». Например, один из лидеров нашей социологии Н.Е.Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: **«Волею исторического случая мы оказались свидетелями и уча-**

стниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода её с исторической арены... Вместе с интеллигенцией уходит и мир её идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»²

Справедливости ради нужно отметить, что не все умные люди жаждут расстаться с интеллигентностью. Так, писатель М.Н. Кураев одно из своих выступлений закончил патетически: **«Вопрос «Нужна ли России в XXI веке интеллигенция?» равносителен вопросу «Нужна ли нам совесть?»**»³. По мнению известного философа В.И.Толстых, **«незачем и опасно подменять интеллигентность интеллектуальностью, что, увы, начинает входить в моду. Подмена опасная, потому что интеллектуал свободен от ответственности, он — профессионал, и не более**

² Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые веки): Сб. статей. — М., 1999. — С.50.

³ Кураев М.Н. Нужна ли России интеллигенция в XXI веке? Петербург. Интеллигент, Филистер // Феномен Петербурга: Труды 2-ой международной конференции. — СПб., 2001. — С.154.

¹ Гранин Д. Интеллигенция: что с ней? где она? // Час пик. 1997. 17 сентября.



того, а интеллигент как раз с ответственности перед обществом и за общество начинается»⁴.

Уходит или все-таки остается в наступившем столетии русская интеллигенция? Если традиционные ценности русской интеллигенции утратят свою привлекательность для молодых людей, то эпитафия «славной интеллигенции» будет современной. А если все-таки интеллигентские идеалы смогут выжить «в новой климатической ситуации»? Достоверные ответы на эти вопросы может дать только современное студенчество — единственный законный наследник традиций русской интеллигенции. Попробуем выяснить, какие ценностные ориентации пользуются приоритетом и насколько они «интеллигентны».

Вопросов много, потому что мы плохо знаем постсоветскую молодежь. **Правильно заметила одна вдумчивая девушка: «Современная молодежь — явление уникальное. Она сформировалась на стыке двух, во многом противоречивых эпох: советской, социалистической и сегодняшней, российской, нацеленной на капитализм. Это, естественно, наложило отпечаток на восприятие мира, обусловило большую вариативность в личном отношении к сегодняшней жизни» (О.Н.)⁵.** Я бы усилил это суждение. «Вариативность» — слишком расплывчатое слово. По-моему, нужно говорить не об интеллектуальных вариациях постсоветского поколения, а о его *расколе* на две противоположные крайности, воплощающие интеллигентность и неинтеллигентность.

В 2000–2004 годах в инициативном порядке мы проводили социально-психологические исследования в различных вузах Петербурга с использованием разнообразных социологических методов: от массовых и групповых опросов до интервью, ведения дневников, экспериментов и мозговых атак.

Главными, но не единственными базами были Университет культуры и искусств (государственный вуз) и Гуманитарный университет профсоюзов (негосударственный вуз); в общей сложности были опрошены более 1500 студентов. Поскольку нас интересует не вся современная молодежь вообще, а молодые интеллигенты и интеллектуалы, то, прежде всего, нужно уточнить, что будем понимать под интеллигентностью, вывести, так сказать, **формулу интеллигентности.**

Как известно, в русской лексикографии слово «интеллигенция» впервые было зафиксировано во втором издании (1880–1882) «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля. Формулировка этого словаря «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жи-

телей» была повторена всеми дореволюционными энциклопедическими словарями. В качестве признаков «интеллигентности» здесь выступают: во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*. Налицо два элемента формулы интеллигентности, но этого мало.

Русская интеллигенция со времен А.И.Герцена, осудившего мещанство как «последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности»,⁶ **отрицала мещанские добродетели.** Таковыми считались **стяжательство, серость, пошлость, безликость, прислужничество, раболепие, стремление «быть как все», плоское и трафаретное мышление.** Р.В.Иванов-Разумник в 1907 г., осмысливая сущность русской интеллигенции, пришел к выводу, что «интеллигенция и мещанство — это две силы, действующие в диаметрально противоположных направлениях, две непримиримо враждебные силы; мещанство — это та среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития русской интеллигенции»⁷. Пренебрежение семейным комфортом, подчинение личных интересов общественным требованиям, аскетический и холостяцкий образ жизни всегда были свойственны одухотворенным и бескорыстным служителям русской культуры. Именно антимещанское самоопределение отличает интеллигента от обывателя. Уже в наши дни М.С.Каган выковал афоризм: **«интеллигент — образованный человек с большой совестью»⁸.** Таким образом, обнаружился третий элемент а формуле русской интеллигентности: *антимещанское этическое самоопределение*, выражающееся, во-первых, в альтруистической направленности личности, то есть в чувстве ответственности за судьбы других людей; во-вторых, в противостоянии насилию всеми средствами, включая силовые, в третьих, в благоговении перед культурой.

Получается следующая **формула русской интеллигентности: ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ = ОБРАЗОВАННОСТЬ + КРЕАТИВНОСТЬ + АНТИМЕЩАНСКОЕ ЭТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.** Первые два элемента образуют **интеллектуальность**, состоящую в образованности и креативности. Интеллектуал западного образца, то есть человек, обладающий свойством интеллектуальности, именно так и трактуется в англоязычных словарях. Например, в Энциклопедическом словаре английского языка Уэбстера, изданном в 1989

⁶ Колокол .1 июля 1862

⁷ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т.1. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. — СПб, 1907.— С.16.

⁸ Каган М.С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Формирование российского интеллигента в университете. — СПб., 2000. — С.130-133.

⁴ Перестройка. Десять лет спустя. — М., 1995.— С.111-112.

⁵ У нас нет разрешений авторов на публикацию их высказываний, поэтому, цитируя их, ограничимся указанием инициалов.



году, можно прочитать: «интеллектуал — крайне рациональный человек, который больше руководствуется интеллектом, чем эмоциями или чувствами». **Русский же интеллигент, как показывает формула интеллигентности, руководствуется не только своим просвещенным разумом и развитым интеллектом, но еще и этическим самоопределением, включающим чувства совести, стыда и личного достоинства, эмоции сострадания и благоговения.** Рассуждения об «уходе интеллигенции» по сути дела подразумевают, что в постсоветской России размывается слой антимещански ориентированных интеллектуалов, а увеличивается доля интеллектуалов с мещанской, научно говоря, *утилитарной* ориентацией.⁹

Все познается в сравнении, и невольно напрашивается сопоставление поколений «дедов», «отцов», «детей». Этому сопоставлению посвящена статья В.А.Виноградовой, опубликованная ранее (см. «ШБ» № 4, 2004). Здесь же отмечу, что притязания и ожидания постсоветской молодежи скромными или умеренными назвать нельзя.

Пополнить высший класс, класс наиболее богатых людей, которые могут «ни в чем себе не отказывать», надеются 30–40% студентов. Помимо просторного особняка, «построенного со вкусом по моему дизайну», предполагается загородная вилла — «трехэтажный домик на берегу озера, где много цветов, фонтанчики, водопады, зеленые лужайки», и собственные апартаменты в Париже, Испании, Скандинавии. В семье несколько автомобилей, иногда — яхта и личный вертолет. Комфортабельный отдых всей семьей предусматривается 2–3 раза в год. К среднему классу капиталистического общества планируют приобщиться 60–70% опрошенных: их удовлетворяет четырехкомнатная квартира в центре города плюс дача в пригороде и отдельное жилье для взрослых детей; достаточно двух-трех автомобилей, желательно иномарки. Неприятительной долей рабочего класса довольствуются 3–5% студентов, в большинстве своем заочники. Нелишне вспомнить, что в советские времена молодежь мечтала о двухкомнатной квартире на семью из 4-х человек.

Предпочтительным родом занятий для 50–75% студентов различных специальностей является частное предпринимательство (частная фирма или сотрудник фирмы); государственными служащими видят себя 7–12% очников и 25–30% заочников; научно-педагогическая карьера привлекает около 10% и примерно столько же претендуют на амплу «свободного художника» (индивидуальное творчество). **Многие**, хотя и не все, студенты психологически вполне созрели для рынка: 35% **согласны с**

афоризмом Д.Моргана: «что нельзя сделать за деньги, можно сделать за очень большие деньги»; 47% вслед за Л.Д.Троцким полагают, что «не родился еще человек, который, занимаясь распределением благ, позабыл бы о себе»; 60% одобрили совет Н.Рокфеллера «не бойтесь больших расходов, бойтесь маленьких доходов»; **добрая треть солидаризировалась с принципом М.Тэтчер «нет вечных друзей, нет вечных врагов, есть вечные интересы».** Нетрудно распознать за этими остроумными фразами **суровую идеологию утилитаризма**, попросту говоря, интеллектуального мещанства.

Имеет место наивная увлеченность романтикой «делания денег»; вместе с тем немало молодых людей отдадут себе отчет в том, что частный бизнес в России — сложное и рискованное занятие. Один из первокурсников написал: «Совсем не просто быть предпринимателем. Предприниматель — это деловой человек, зачастую новатор, самоотверженно отдающий себя своему делу. Меня привлекает в предпринимательстве чувство хозяина собственного положения. Деньги являются универсальной социальной силой, обладатель денег может чувствовать себя независимым» (А.И.).

Постсоветское студенчество усердно стремится приобрести профессиональную компетентность (образование — ценный интеллектуальный капитал), многие испытывают патриотические чувства, стремятся к самосовершенствованию, но все-таки не эти ценностные ориентации пользуются приоритетом. Главной смысложизненной ценностью для 70% первокурсников и 75% пятикурсников оказалось **семейное благополучие**. Причем около 40% придают семье статус терминальной (конечной) ценности, заявляя, что видят смысл своей жизни в «продолжении рода в детях своих», а 35% рассматривают семью как инструментальную ценность, способствующую достижению «содержательной и приятной жизни». Результат рационально объяснимый, но все-таки обескураживающий.

Семейное благополучие, домашний уют, любящий спутник жизни, здоровые и умные дети кажутся нынешним молодым интеллектуалам приоритетной ценностью, несмотря на их патриархально-мещанскую окраску. Почему? Есть немало правды в следующем рассуждении: «Нынешние двадцатилетние привыкли к той мысли, что завтра не только может не быть светлым, но и вообще может не наступить. Вот почему национальная идея будущей России, скорее всего, будет заключаться в процветании каждого человека. В мещанском счастье отдельного индивида» (О.Н.) Действительно, образованного и мыслящего русского человека не могут не тревожить те глобальные, национальные, региональные, наконец, житейские угрозы и опасности, которые окружают его со всех сторон. Крепкая семья — это индивидуальный островок спасения от этих страшилищ.

⁹ Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 392 с. В этой книге категория «утилитаризм» охватывает: практицизм, прагматизм, меркантилизм, вещизм, мещанство, своекорыстие, гедонизм и тому подобные понятия.



Стремление к укреплению семьи нельзя не приветствовать, но смущает скептическое, если не сказать циничное, отношение современной молодежи к любви, романтике и прочим сантиментам. Провозглашенный когда-то Н.Г.Чернышевским принцип «умри, но не давай поцелуя без любви» одобряют менее 10%; четверть опрошенных считает, что «любовь — это иллюзия, что один человек лучше всех остальных», а в том, что настоящая любовь бывает лишь однажды, уверены не более 18% юношей и девушек. Кроме того, оформление семейных отношений большинство девушек планирует после 25 лет, когда они обеспечат себе социально-экономическую независимость, а юноши — еще позже. **Таким образом, надо ожидать распространения браков по расчету, а не по любви.** Рационализацию брачных отношений будем считать, вспомнив пушкинское «нас возвышающий обман», проявлением интеллектуализации общества.

Итак, простые утилитарные ценности, сочетающиеся с высокими жизненными притязаниями, привлекают, по крайней мере, две трети постсоветского студенчества, удаляя его от формулы полноценной интеллигентности. Обычно утилитаризм сочетается с эгоистической направленностью личности, а антимещанский пафос присущ альтруизму. Рассмотрим теперь дилемму **альтруизм — эгоизм.**

Тестовые опросы показали, что эгоистическая направленность личности свойственна более половины современных студентов — 54%. Количество альтруистов в столичных городах не более 20%, но в провинции их гораздо больше — до 45%. Студенты, не вошедшие ни в категорию эгоистов, ни в категорию альтруистов, были отнесены к промежуточной категории конформистов. Причем выяснилось, что как эгоистическое, так и альтруистическое самоопределение размыты и обладают общими чертами. Чтобы полнее определить отношение студентов к эгоизму и альтруизму, было предложено завершить и прокомментировать два утверждения: «Всякий человек немного альтруист, но я ...» и «Всякий человек немного эгоист, но я ...». Обнаружились убежденные эгоисты, противостоящие им убежденные альтруисты и промежуточная группа, объединяющая «эгоистических альтруистов» и «альтруистических эгоистов». Обратимся к цитатам.

Убежденные эгоисты: «Я очень сильная эгоистка. Сегодняшняя жизнь слишком сложна, жестока и беспощадна, в ней можно выжить, рассчитывая только на себя, полагаясь на свои собственные силы» (Ю.К.); «Эгоизм — это признак нашего времени, ведь по-другому в этом жестоком мире не выжить. К сожалению, про альтруизм все уже давно забыли» (Т.М.); «Быть полноценным альтруистом в современном обществе опасно для жизни» (Н.Л.); «Эгоизм — качество, совершенно неотъемлемое от удачливого и благополучного современного человека. Как ни печально это звучит,

но герой нашего времени — эгоист! Вот я и овладеваю постепенно искусством эгоизма» (О.Б.); «Эгоизм — естественное качество каждого человека. Я могу логично обосновать, что любой человек эгоист, и поэтому к так называемым альтруистам отношусь, по крайней мере, с подозрением» (А.К.).

Вот рассуждения **промежуточной группы:** «Я не скрываю того, что я эгоистка. Все люди эгоисты. Но то, что я готова на многое во благо общества и человечества, тоже располагает к какому-то выводу» (Т.К.); «Всякий человек немного эгоист, но я счастлив, когда удается доставить радость другому человеку» (В.Л.); «Я от природы альтруист, но считаю, что в современных условиях просто необходимо быть немного эгоистом» (А.Х.); «Всякий человек немного эгоист, но я верю в то, что люди по природе добры и стараюсь быть терпимой к их недостаткам. Без альтруизма человечество бы погибло» (В.С.).

«Любой из нас немного эгоист,
И к сожаленью, я не исключенье.
Не зря сказал мне мудрый пессимист:
Займись, товарищ, собственным спасеньем.
Любой из нас немного альтруист,
И без сомненья, я не исключенье.
Не зря сказал мне мудрый оптимист:
Творить добро — твое предназначенье» (Е.Л.).

Убежденные альтруисты заявляют о себе достаточно громко: «Я по своему характеру всегда была и буду альтруистом» (О.Ж.); «Настоящих альтруистов в нашем мире немного, но пока они есть, мы можем надеяться на улучшение нашей жизни» (Е.Ч.); «Я альтруист в полной мере. Мне хочется делать людям добро и помогать им бескорыстно, особенно тем, кто действительно в этом нуждается. А без любви к другим не стоит и жить» (М.Р.); «Мне очень приятно помогать людям и совершать добрые поступки, ведь после этого на душе праздник» (Ю.Д.).

Приведенные высказывания — лишнее доказательство раскола постсоветского поколения. Создается впечатление, что убежденные эгоисты и убежденные альтруисты — жители разных планет. Эгоисты живут на планете, где «человек человеку волк», где никто не «считает эгоизм грехом, потому что он может быть дорожкой к успеху» (А.Ч.). Эгоисты убеждены, что они живут по нормальным естественным законам, ибо «можно логично обосновать, что любой человек эгоист». На планете альтруистов действует гуманистическая этика, основанная не на формально-логической интерпретации инстинкта самосохранения, а на чувствах человеколюбия, милосердия, доброжелательности, взаимопомощи, отличающих человека от не знающих сострадания животных. Русское православие и русская классическая литература всегда были альтру-



истичны, именно они послужили питательной почвой для формирования этического самосознания русской интеллигенции.

Расширение в наши дни эгоистической направленности этого самосознания следует признать естественным следствием распространения *технократического мышления* — одной из примет наступающей информационно-компьютерной цивилизации. Опасность технократического мышления видится в том, что оно означает деградацию гуманности и рост бездуховности в обществе. Психологи толкуют его следующим образом: «Технократическое мышление — это мировоззрение, существенными чертами которого является примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Технократическое мышление — это Рассудок, которому чужды Разум и Мудрость. Для технократического мышления не существует категорий нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства»¹⁰.

Распространение технократического мышления проявляется в приоритете мещанских интересов, в антипатриотизме, примитивном стяжательстве, пренебрежении якобы архаичным культурным наследием, воплощенным в книге и в библиотечных фондах. Мне кажется, что *надежным индикатором способа мышления* может служить отношение к книге в традиционном бумажном её облики. Если для данного человека книга всего лишь источник информации, и он горячо ратует за преобразование пыльной книжной культуры в прогрессивную электронную форму, то такой человек — технократ-интеллектуал. Если для кого-то книга суть мистическая связь человеческих душ, оцифровывать которую недопустимо и невозможно, то такой человек — гуманист-интеллигент. Что же показал этот индикатор?

Литературоцентризм в XIX — XX веках был отличительной особенностью российской духовной жизни, питательной средой и цитаделью русской интеллигенции. К сожалению, современные литераторы растеряли репутацию пророков, просветителей и «инженеров человеческих душ», что подтвердили и наши данные. Опросы показали, что заинтересованно следят за литературным процессом, периодически читают толстые художественно-литературные журналы менее 5%, **причем каждый четвертый студент — 22,8% не смог назвать ни одного современного литератора.** Можно констатировать, с одной стороны, укорененность гуманитарного студенчества в русской книжной культуре, наличие воспитанного с детства навыка общения с книгой, с другой стороны, постепенное отмирание этих корней, пренебрежение книгой как культурной ценностью. Распад литературоцентризма

и отрыв студенчества от книжной культуры, всегда питавшей русскую интеллигентность, — главная угроза для русской интеллигенции.

Технократически мыслящего студента пленяет то, что «традиционный бумажный вид книг, газет, журналов заменится электронной формой, и любой источник информации, независимо от его местонахождения, станет доступен по принципу «здесь и теперь» (А.М.). К счастью, есть и студенты-гуманисты, для которых «книга остается чем-то святым, это не просто чтение, это погружение не только в мир автора, но и параллельно — в мой собственный; это позволяет отстраниться от суеты, которой заполнено все окружающее» (Н.Б.). Количественное соотношение первых и вторых 50% и 20%; 30% — промежуточный слой этически не определившихся конформистов.

Эти цифры не дают оснований для вывода об уходе русской интеллигенции с исторической арены. Происходит закономерная смена советского поколения интеллигенции новым, постсоветским поколением русской интеллигенции. Постсоветское поколение, как и все предыдущие поколения, включает в свой состав и полноценных интеллигентов, соответствующих формуле интеллигентность = образованность + креативность + антимещанское этическое самоопределение, и интеллектуалов — образованных и творческих людей с утилитарным самоопределением. Доля интеллектуалов — эгоистически ориентированных технократов в нынешней «климатической ситуации» возрастает, что вызывает беспокойство. Так, российский историк А.И.Аврус предостерегает: «Интеллигенты и интеллектуалы действуют в нашем мире параллельно, не только не объединяя своих усилий, но чаще всего взаимно отталкиваясь. Деятельность интеллектуалов опасна для будущего человечества, только существование интеллигентов может его спасти»¹¹.

Возможно, опасения А.И.Авруса преувеличены, но все-таки отечественная высшая школа не может игнорировать проблему оскудения интеллигенции. Будем считать, что все её выпускники обладают таким признаком интеллигентности, как образованность, но совсем не обязательно наличие креативности, не говоря уже об альтруистическом самоопределении. **Формула интеллигентности показывает, что люди с высшим образованием делятся на три категории: полуинтеллигенты, имеющие только признак «образованность»; интеллектуалы, которым присуща образованность и креативность, наконец, интеллигенты, полностью соответствующие формуле интеллигентности. Поскольку забота о будущем нашего народа и человечества в целом диктует увеличение по-**

¹⁰ Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М., 1994. — С.211.

¹¹ Аврус А.И. Интеллигентоведение или интеллектуаловедение? // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Тезисы докл. X-й междунар. науч. -теор. конф. Иваново, 1999. С.24.